

Олег Назаров.

А. А. Зиновьев как публицист

Александр Александрович Зиновьев — личность яркая и многогранная. О нем как философе и социологе, логике и писателе уже многое и многими сказано и написано. Как представляется, все это лишь только начало. Однако многогранность таланта отнюдь не гарантирует, что все его грани будут быстро и по достоинству оценены современниками. Скорее, напротив. И примером тому служит тема «А. А. Зиновьев как публицист», разговор по которой, по большому счету, еще и не начинался.

Замечу сразу же, что данная статья ни в коей мере не претендует на ее всестороннее раскрытие. Думается, что в рамках одной статьи такая задача не разрешима в принципе. А потому изложенное ниже правильнее воспринимать в качестве штрихов к портрету Зиновьева-публициста. Создание же самого портрета — дело будущего. Дело, требующее усилий многих «художников».

* * *

Автор этих строк также впервые обращается к теме «А. А. Зиновьев как публицист». И это несмотря на то, что ему посчастливилось интервьюировать Александра Александровича не раз. Причем не только как ученого и писателя. Напротив, мы говорили и о его увлечении живописью (см. «Парламентскую газету» от 4 ноября 2000 года), и о его участии в Великой Отечественной войне (см. «Солидарность» № 17, 2001), и о многом другом. В итоге дошли и до публицистики.

«С чего началось?» — поинтересовался я однажды. Оказалось, что обращение Зиновьева к публицистике произошло, мягко говоря, не без внешнего толчка. В беседах со мной Александр Александрович и тогда, и впоследствии не раз говорил, что быть публицистом он никогда не собирался, а стал таковым в силу крутой перемены в своей жизни. Перемена была связана с высылкой на Запад. Оказавшись там, он сразу же стал получать многочисленные и разнообразные приглашения. Его настоятельно просили выступать с лекциями, участвовать в конференциях, писать статьи. В результате встречи с журналистами стали постоянными.

Впрочем, едва ли сам ученый и писатель мог в полной мере предвидеть тогда, сколь сильно отразится на его творческой биографии поворот к публицистике. Тем не менее, этот поворот стал фактом. Зиновьев вспоминает: «И получилось, что в течение всего срока пребывания на Западе, а он исчисляется 21 годом, основным моим занятием фактически была публицистика. К ней я отношу, во-первых, статьи в газетах и журналах. Во-вторых, публичные выступления, как индивидуальные, так и выступления на конференциях, симпозиумах, съездах и т. д. И, в-третьих, интервью». Последних было так много, что как-то на вопрос одного из журналистов о профессии он в шутку ответил: «Интервьюируемый». Для человека, талант которого ярко проявился в самых разных сферах творчества, подобный ответ значил чрезвычайно много.

Помимо интервью, было много выступлений — как индивидуальных, так и на разного рода симпозиумах, конференциях и «круглых столах». Стоит заметить, что во время своих выступлений Зиновьев много и с удовольствием импровизировал. Он вообще любит импровизировать, сохранив привычку с советских времен. «Лекции я всегда читал так, что они превращались в своего рода концерты», — говорит он.

Однако обилие интервью и выступлений не только не препятствовало написанию книг и статей, а напротив, скорее способствовало этому. Такой вывод может показаться странным, даже парадоксальным. В жизни же все было вполне органично и даже рутинно. Много выступавший и часто интервьюируемый Александр Александрович имел мало свободного времени. Его дефицит он отчасти компенсировал тем, что, работая над статьями, использовал свои же интервью и выступления. Зиновьев стал перерабатывать тексты выступлений и интервью в статьи.

Постепенно накопилась целая серия таких материалов. На их основе создавались книги. Причем происходило это удивительно быстро. Оказавшись на Западе в августе 1978 года, уже на следующий год Зиновьев опубликовал там свой первый сборник статей, выступлений и интервью. Он назывался «Без иллюзий». Аналогичным был процесс создания следующих сборников — «Мы и Запад» (1981 г.) и «Ни свободы, ни равенства, ни братства» (1983 г.).

Ими дело не ограничилось. Интерес к творчеству Зиновьева-публициста стали проявлять на разных концах планеты. Так, в США была опубликована книга «Горбачевизм», также написанная на основе статей и интервью о Горбачеве. Не случайно сама книга делится не на главы, а на статьи. Потом в Италии и в Испании вышла составленная из публицистических работ книга «Гибель империи зла». По воспоминаниям ее автора, она имела необычный для публицистики успех, буквально за неделю получив несколько десятков откликов в прессе. Кроме того, в восьмидесятые годы свет увидели несколько монографий, которые, по сути, были полностью публицистическими. К примеру, в 1985 году на немецком языке появилась «Диктатура

логики». Затем, и также на немецком языке, вышла книга «Сила неверия», полностью составленная из работ, посвященных советской идеологии и пропаганде.

Публицистика Зиновьева неизменно ориентирована на проблемы социальные и актуальные. Но самое любопытное заключается в том, как занятие публицистикой сказалось на его занятиях литературой и наукой. Процесс же оказался взаимообогащающим. Как отмечалось выше, свои публицистические произведения философ, писатель и социолог не готовил заранее. Да и тот образ жизни, который он вынужден был вести за границей, почти не оставлял возможности сидеть за письменным столом. Так выступления и интервью фактически стали формой его литературной и научной работы.

По собственному признанию Зиновьева, многие свои литературные и научные открытия он делал во время публицистической деятельности (как интервьюер, могу подтвердить, что некоторые новые идеи рождались у Александра Александровича буквально у меня на глазах во время нашего общения). Затем, доработав публицистические работы, он использовал их как материал для книг. Случалось, что некоторые из них он даже включал в литературные и научные произведения в качестве частей. Брал те же самые интервью, убирал из них момент собеседования и делал из них статьи и главы для книг. Но бывало и наоборот, когда главы и куски уже написанных книг он использовал для публицистической работы.

«И в этом не было никакой искусственности: все шло вполне естественно. Продолжая публицистическую работу на литературном и научном уровнях, я делал что-то новое, и это служило материалом для публицистики. В итоге получился очень интересный процесс. Может быть, я даже являюсь уникальным писателем и социологом, письменным столом для которого стали разъезды по многим странам мира», — вспоминает Зиновьев сегодня.

* * *

Обозначив место публицистики в творчестве Зиновьева, нельзя не коснуться ее содержания. Принципиальным является то, что основным источником его публицистической и литературной работы изначально были не сочинения других авторов, а сама реальность. Ее он наблюдал лично, о ней узнавал во время многочисленных бесед с другими людьми. «Для меня весь мир превращался в открытую социологическую теорию. Я мог видеть социальные механизмы современной жизни буквально каждую минуту», — не раз подчеркивал Зиновьев впоследствии.

Что менялось и что оставалось неизменным? Постоянным оставался его «разворот мозгов» — его способ понимания действительности. Он лишь детализировался, укреплялся и прояснялся. Что менялось? Менялся объект изучения. Первые годы пребывания на Западе на девяносто процентов были заняты выступлениями и сочинительством на тему советского коммунизма. Но постепенно у исследователя возник интерес и к самому Западу. А он не мог не возникнуть. «Я видел Запад свежими глазами. Мне все бросалось в глаза. И подобно тому, как раньше Советский Союз был для меня открытой лабораторией, такой же лабораторией стал и Запад. Я стал рассматривать Запад с такой точки зрения, с какой его никто до меня не рассматривал», — рассказывал Зиновьев в одном из интервью. Вскоре появились книги «Запад», «Глобальный человек» и другие.

Так продолжалось до того момента, когда на исторической арене появился М. С. Горбачев. Зиновьев одним из первых увидел то, что действия Горбачева и его окружения не адекватны публично провозглавшимся целям «перестройки». Однако в царившей тогда в СССР эйфории трезвый взгляд из Мюнхена по достоинству оценили немногие. Между тем на деле уже тогда наметился коренной перелом, в итоге приведший к распаду государства и смене социального строя. Стоит подчеркнуть особо, что Зиновьев своевременно и многократно предупреждал об этом. В частности, его взгляд на происходившее в то время в Советском Союзе нашел отражение в книгах «Горбачевизм» (1988), «Катастрожка» (1988), «Кризис коммунизма» (1990), «Смута» (1994), «Русский эксперимент» (1995).

А затем пришло время возвращения на Родину. Вернувшись в Россию летом 1999 года, Зиновьев сразу же заявил, что прекращает литературную работу. Своими главными сферами деятельности он определил научную и публицистическую. А из двух последних приоритетной была названа публицистика.

Свое слово Александр Александрович сдержал. Назову несколько основных книг, вышедших в России в последние годы. В 1996 году свет увидел сборник «Посткоммунистическая Россия», в котором было собрано около полусотни статей и интервью. В числе последних двадцати бесед, в которых собеседником Зиновьева был В. Большаков. Своего рода продолжением сборника «Посткоммунистическая Россия» явился вышедший в 2001 году сборник «Гибель русского коммунизма». Последняя из опубликованных в нем работ датирована декабрем 2000 года. К этому ряду можно отнести и книгу «Русский эксперимент», на две трети состоящую из статей и интервью.

И сегодня Зиновьев продолжает регулярно выступать на страницах самых разных изданий. Среди них «Независимая газета» и «Солидарность», «Литературная газета» и «Завтра», «Правда» и «Советская Россия», «Россия» и «Парламентская газета», «Век» и «VIP» (заранее прошу тех из коллег, чьи издания мною не названы, великодушно простить за забывчивость: перечислить все газеты и журналы оказалось не под силу не только мне, но и самому юбиляру). В качестве конкретных примеров упомяну лишь несколько его статей и интервью, опубликованных за последний год. В их числе статьи «Партия и власть» («VIP», август—сентябрь 2001 года), «Идеология глобализации» («Независимая газета», 26 февраля 2002 года), «Учение кота Леопольда как основа нового российского менталитета» («Независимая газета», 2 марта 2002 года), «На какие жертвы способна партия» («Советская Россия», 30 мая 2002 года), интервью для Интернет-проекта передачи «Умницы и умники», выходящей на ОРТ (январь 2002 года), участие в заседании «круглого стола» газеты «Солидарность» на тему «Россия в поисках идеологии» («Солидарность», №№ 22, 23, 2002 год) и т. д.

* * *

Не удивительно, что активность на публицистическом поприще не осталась незамеченной не только поклонниками и единомышленниками Зиновьева, но всеми теми, кто категорически не приемлет все то, что им делается. В свое время в статье «Об Александре Зиновьеве и его социологии» А. А. Гусейнов справедливо заметил: «Зиновьев со своей социомеханикой лишает человека последних объективных оснований для самомнения и гордости. Отсюда и

отношение к нему. Странников Коперника сжигали. Учение Дарвина запрещали. С Зиновьевым поступают намного хуже — его замалчивают».

К сказанному Гусейновым могу лишь добавить, что подобное отношение долгое время проявлялось и к Зиновьеву-публицисту. Однако времена меняются, и теперь данный прием уже далеко не всегда срабатывает. Интерес к нему растет, одним из подтверждений чему может служить приведенный выше список изданий, публикующих Зиновьева. Все это ведет к «смене вех» по ту сторону «баррикады»: акцент с замалчивания переносится на иные «технологии».

Чтобы не быть голословным, приведу один пример. Не далее как в июне 2002 года заместитель главного редактора «Известий» Александр Архангельский, посмотревший на канале «Культура» программу «Линия жизни» с участием Александра Александровича, моментально разразился статьей. В ней Архангельский доказывал: «Если уж у нас авторитетом становится автор единственной яркой книги — «Зияющие высоты» — и полусотни никому не известных блеклых трудов, значит, дело совсем нехорошо».

С тем, что дела в России давно уже обстоят совсем нехорошо, спорить не приходится. Но речь о другом. Публицист Архангельский, высказав свое негативное отношение к творчеству Зиновьева, не рискнул анализировать его публицистику как таковую. Архангельский поступил предусмотрительно. Займись он этим всерьез, то очень скоро бы выяснилось, чего стоит вывод, опубликованный «Известиями».

Впрочем, едва ли его автор хорошо знаком с трудами Зиновьева. Как можно, будучи объективным, называть «блеклой» книгу «Коммунизм как реальность»? Ведь именно ее крупнейший французский философ Раймон Арон назвал первой научной книгой о коммунизме. И именно за нее Зиновьевым была получена премия имени Токвиля. Однако о таких фактах правополиберальные публицисты предпочитают не вспоминать. Труды Зиновьева ими либо замалчиваются, либо охаиваются. Но такое к себе отношение Зиновьев-логик и Зиновьев-писатель, Зиновьев-философ и Зиновьев-социолог, Зиновьев-художник и Зиновьев-публицист испытывал много-много раз. Архангельский в «шеренге» его хулителей занял «почетное» 2368531987-е место.

* * *

Наконец, хотел бы обратить внимание читателей на еще одну, не побоюсь этого слова, знаковую перемену, произошедшую с Зиновьевым под воздействием активной публицистической деятельности. Социологический роман — новый жанр в литературе, создателем которого является Зиновьев. Но это не только художественная литература, но и сфера науки. Сам же Зиновьев-писатель с момента рождения жанра неизменно подчеркивал значимость социологического аспекта. Не случайно, книга «Нашей юности полет» обозначена им как социологическая повесть, а книга «Светлое будущее» — как социологический роман.

Все это — не новость. Однако, по признанию автора указанных книг, только недавно он стал обращать внимание на другой аспект, изначально в работах присутствовавший. И теперь Александр Александрович предпочитает называть их не только социологическими, но еще и публицистическими произведениями.

Завершая статью, следует подчеркнуть, что все последние годы интерес Зиновьева к публицистике не только не ослабевает, а напротив, день ото дня растет и крепнет. Александр Александрович прямо заявляет, что сегодня публицистика важна ему как воздух.

Думается, что у знакомых с произведениями Зиновьева-публициста нет оснований сомневаться в справедливости этих слов. А это значит, что вскоре всех нас ждут новые встречи с плодами его творчества.